

Сяо У потер нос:

— Ну, еще пару раз в глухую чащу схожу, добуду зверя... — Голос его становился всё тише под строгим взглядом мужа. Он стоял, понунив голову, как большой пес, которого отругали за проказу.

Гу Цин, видя его виноватый вид, понемногу остыл. Он понимал, что муж хотел как лучше, и продолжать распекать его было бы несправедливо. Он вздохнул и мягко сказал:

— Ты думаешь, в глухой лес так просто ходить? Ты силен, не спору, но говорят: «кто часто в горы ходит, тот в лапы к тигру попадет». Ты уверен, что каждый раз будешь возвращаться целым и невредимым? Сейчас у нас есть серебро, в следующем году купим землю или откроем лавочку в городке. Давай-ка ты поменьше будешь в горы бегать.

Гу Цин не хотел, чтобы Сяо У рисковал собой. Перед стаей волков и самый сильный человек пасует, а если с ним что случится — как они с детьми выживут? К тому же он ловил себя на мысли, что Сяо У ему по-настоящему дорог.

У охотника потеплело на сердце: значит, мужу он не безразличен. Он уставился на Гу Цина горящим взглядом.

Тот аж поежился:

— Чего уставился?

Сяо У крепко прижал его к себе:

— Спасибо.

Охотник был не силен в красивых речах, но Гу Цин и без слов понял, за что его благодарят. За то, что остался. За то, что готов делить жизнь. За то, что полюбил.

Гу Цин погладил его по спине и тихо проговорил:

— У-гэ, когда я только вошел в твой дом, я думал: «придется терпеть, ведь отец всё равно бы за кого-нибудь выдал». Мне было страшно. Но теперь я знаю, что хочу прожить с тобой всю жизнь. И... спасибо за браслет. Он мне очень нравится.

От этого признания сердце Сяо У забилося так часто, будто он снова был мальчишкой. Ком

встал в горле. Спустя мгновение он кивнул и еще крепче сжал мужа в объятиях:

— Я всегда буду заботиться о тебе.

Они бы так и сидели, изливая друг другу душу, если бы не громкий стук в ворота.

— Есть кто дома?

— Сиди, я посмотрю. — Сяо У быстро обулся и вышел.

У ворот стояли трое стражников из управы с длинными ножами на поясах.

— Мы по поводу обмера участка, — объявил старший.

Сяо У кивнул и отвел их к месту:

— Вот эта земля.

Стражники достали инструменты и принялись за работу. Гу Цин, услышав разговоры, вынес им три миски сладкой воды.

— Уважаемые, вы притомились, выпейте водички, отдохните.

Деревенские всегда побаивались чинов — как говорится, простолюдину с властью не тягаться. Поэтому старались угодить: если с обмерщиком в ладах, он может и лишний локоть земли прирезать.

Те оторвались от дела, вытерли пот и осушили миски. Глаза их округлились: сахара хозяева не пожалели, вода была по-настоящему сладкой.

После такого угощения дело пошло быстрее. Закончив, стражники не стали задерживаться. Гу Цин вежливо поблагодарил их, и они с мужем проводили гостей до околицы.

На обратном пути им встретилась вторая матушка Гу:

— Цин-гэр, что это власти к вам пожаловали? Никак Сяо У в чем провинился? — спросила она, недобро поглядывая на охотника.

Гу Цин поморщился: деревенские — народ любопытный и до чужих бед охочий.

— Тётушка, ну что вы такое говорите? Если бы Сяо У провинился, разве стоял бы он сейчас здесь? Его бы давно в кандалах увели. — Гу Цин диву давался: спрашивать такое прямо в лицо — это надо уметь.

— А я видела, они с мечами были! Ой, страсть-то какая... — кумушка не унималась, желая во что бы то ни стало выведать правду.

Гу Цин понял: пока не объяснит, она не отстанет. Да и стройку всё равно не скроешь.

— У-гэ со старостой в уезд ездили, землю купили. Сегодня из ямыня приехали мерить, чтобы весной дом начать строить.

— Дом строить?! Ох, ну и везучий ты, Цин-гэр! Как замуж вышел, так муж сразу тигра добыл. Небось, кучу денег за тушу выручили? — Она придвинулась поближе.

Гу Цин уже закипал, но сдерживался. Он незаметно дернул Сяо У за край одежды.

Тот посмотрел на мужа, а когда Гу Цин начал строить ему рожицы, не выдержал и хмыкнул в кулак.

— Тётушка Гу, нам пора, — коротко бросил Сяо У, уводя мужа.

Вторая матушка осталась ни с чем, но перечить охотнику побоялась.

* * *

Глава 30. Прах

За один день весть облетела всю деревню: Сяо У продал тигра за баснословные деньги и затевает стройку.

У Гу Тяньци с женой зубы закрипели от злости. «Ах ты, Гу Цин, на дом деньги есть, а родному отцу — шиш! Ну погоди у меня», — старик в ярости схватил лопату и отправился на кладбище.

Несколько дней назад жена шепнула ему на ухо:

— Слушай, Гу Цин теперь замужний, нас за семью не считает. Есть только один способ заставить его раскошелиться.

Гу Тяньци копал могилу, вспоминая её слова. Он понимал, что творит святотатство, но годами послушный сын вдруг взбунтовался — это был вызов его власти. Он заставит Гу Цина ползать

на коленях и молить о прощении. Лопата всё глубже вонзалась в землю, а старик бормотал под нос:

— Не вини меня, мать Гу Цина, что покой твой тревожу. Вини сынка своего бессердечного, который при деньгах об отце не помнит.

Спрятав прах покойной матери Гу Цина в лесу на заднем склоне, он вместе с женой поспешил к дому Сяо У.

Сяо У колот дрова во дворе, когда услышал неистовый стук. Он отложил топор и открыл. — Зятек! Цин-гэр дома? Беда у нас великая, сказать надо!

Охотник нахмурился. Он терпеть не мог тестя за годы издевательств над Цин-гэром и за вечные попытки вытянуть из них жилы. Но раз уж тот был отцом мужа, пришлось пустить их в дом. Гу Цин, увидев незваных гостей, затревожился: опять, небось, за деньгами пришли. Но Гу Тяньци заговорил первым:

— Цин-гэр, несчастье! Могилу твоей матери кто-то разрыл, прах пропал!

У Гу Цина сердце пропустило удар. В его памяти всплыли образы матери оригинального владельца тела. Все самые светлые воспоминания маленького Гу Цина были связаны с ней — доброй, терпеливой женщиной. Она подорвала здоровье при тяжелых родах и таяла на глазах. Гу Тяньци жалел денег на лекарства, вечно ворча:

— На кой черт гэрской матери лекарства, бесполезная ты тварь. — Он заваривал одну и ту же порцию трав снова и снова, пока в котелке не оставалась пустая вода. Мать Гу Цина плакала по ночам, обнимая сына, а потом... потом её не стало.

От этих воспоминаний Гу Цину стало душно. Он взял себя в руки и холодно спросил:

— Кому вы дорогу перешли? С чего бы кому-то чужому могилу разрывать?

Только дрожь в руках выдавала его волнение. Сяо У тут же накрыл его ладонь своей, и от этого тепла Гу Цину стало спокойнее.

— Мы люди тихие, ни с кем не ссорились, — вставила мачеха.

— Нам сказали: не дадите пятьдесят таэлей — развеют прах по ветру, не видать ей покоя на том свете! — добавила она с жадным блеском в глазах при упоминании суммы.

Гу Цин прищурился, вглядываясь в их лица. Он взвешивал каждое слово.

Те заерзали под его взглядом. Гу Тяньци прикрикнул:

— Живо давай деньги, не то мать твою по ветру пустят!

— «Нам сказали»? — повторил Гу Цин ледяным тоном. — Только что говорили, будто не знаете, кто это сделал, а теперь у вас уже требования готовы. Похоже, это вы прах моей матери припрятали?

Супруги Гу опешили. Они не ожидали от Гу Цина такой проницательности.

Гу Тяньци, видя, что притворство не сработало, сорвался на крик:

— Если не дашь пятьдесят таэлей, считай, нет у твоей матери больше могилы! Не вини меня потом. Если бы она знала, что ты, имея деньги, пожалел их ради её спасения, она бы прокляла тот день, когда родила тебя! Это ты её в могилу свел, ты — несчастье нашего дома!

Сяо У, не выдержав гнусных слов, схватил тестя за грудки и одним рывком швырнул на пол. Прежде чем тот успел опомниться, тяжелый сапог охотника придавил его грудь к доскам. Гу Тяньци охнул от боли.

— Еще хоть слово паскудное скажешь — язык вырву, — прорычал Сяо У.

Гу Цин встал и посмотрел на отца сверху вниз:

— Ты лжешь. Мама умерла, потому что ты был никчемным. Ты не мог заработать, не мог прокормить семью. Если бы у неё были лекарства, она бы до сих пор была жива. Это ты её убил, а теперь еще и могилу осквернил. Столько лет ты измывался над её сыном — неужто не боишься, что она придет к тебе ночью за расплатой?

<http://bllate.org/book/19018/1869776>